

Трещева Е.Г. Событийность и ее отражение в языке, речи, вербальных ассоциациях // Коммуникация. Мышление. Личность: Материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти профессоров Н.И. Горелова и К.Ф. Седова. Саратов: Издат. центр «Наука», 2012. С. 193-199. ISBN 978-5-9999-1398-2.

СОБЫТИЙНОСТЬ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ, ВЕРБАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЯХ

1. Вводные замечания. Как известно, человек воспринимает мир не через отдельные его компоненты (предметы, признаки, действия) – мир воспринимается нашим сознанием целостно, гештальтно: мы живем событиями, представляем мир как набор ситуаций и их переходов друг в друга. Категория события является одной из базовых категорий сознания человека, что предопределяет интерес к ее изучению со стороны исследователей как в области науки о языке, так и в русле многих других наук и направлений. Многочисленные работы посвящены самым разным аспектам событий и событийности: оценивается их онтологический статус (см. работы Н.Д. Арутюновой, Б.М. Величковского, В.З. Демьянкова, Д. Девидсона, Р. Джекендоффа и др.), их восприятие сознанием человека (J.E. Cutting, J. Zacks & al. и др.), категориальные разновидности ситуаций-событий, рассматриваемых как в широком (онтологическом), так и в более узком (акционально-грамматическом) понимании (Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, Т.В. Булыгина, В.Е. Гольдин, О.Н. Дубровская, Ю.С. Маслов, Е.В. Падучева, О.Н. Селиверстова, Г.Г. Сильницкий, А.Г. Сильницкий, С.Г. Татевосов, J.F. Bennett, D. Davidson, Z. Vendler 1967 и др.), способы их обозначения языковыми средствами (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, В.Е. Гольдин, С.Д. Кацнельсон и мн. др.), особенности текстовой репрезентации события и структура референтного события (В.Я. Шабес, А.А. Транов, Ю.М. Лотман, В. Шмид) и многие другие свойства как самих событий, так и их обозначений. Исследователи-лингвисты уделяют внимание и языковым средствам обозначения событий, и особенностям их речевого воплощения. Но не менее важно изучить отражение данной категории в языковом сознании говорящих на материале такого источника, как вербальные ассоциации, которые позволяют выявить и другие способы объективации событийных смыслов.

2. Выражение событийности языковыми средствами. Поскольку категория события вполне может претендовать на статус одной из базовых,

онтологических категорий, она неизбежно находит свое выражение в языке и речи: проявляясь в языковой системе, как и другие важные категории, сразу на разных уровнях, она объективируется с помощью различных языковых средств.

Так, прототипическим выразителем событийной семантики в лингвистических работах признается предложение (см., в частности, работы С.Д. Кацнельсона, Н.Д. Арутюновой, И.Б. Шатуновского, Р. Джекендоффа), а также его часть, клауза (В. Levin, M. Rapoport Novav и др.). Так, по мнению С.Д. Кацнельсона, называть события и процессы, являющиеся «единственной реальностью мира», может только «речь в своих предложениях» [Кацнельсон 1972: 143].

Некоторые исследователи отмечают, что кроме предложений, служить обозначениями для ситуаций и событий могут их полные номинализации (например, по мнению Н.Д. Арутюновой, Дж.Ф. Беннетта, Д. Девидсона, З. Вендлера).

Во многих работах говорится и о тексте как о способе объективации события. Так, по мнению В.Я. Шабеса, события как когнитивные единицы соотносятся в языке с коммуникативными единицами (текстами). Тогда понятие о происходящем служит своеобразной темой, создаваемые же на основе этого события тексты представляют собой «конкретные коммуникативные ремы к обобщенным когнитивным темам» [Шабес 1989: 7]. Событие служит организующим началом для текста, является строительным компонентом для его структуры. Сюжетообразующим компонентом его называют многие литературоведы, например, М.Ю. Лотман и В. Шмид, они же и выдвигают различные критерии событийности в тексте произведения, которые, конечно, не во всем совпадают с теми, которые предлагаются лингвистами.

Ситуация-событие, как было показано выше, может описываться развернуто, с помощью предложения, но если значение событийности выражается целостно, в сжатом виде, то чаще всего это осуществляется с помощью особого рода слов, таких как, например: *прогулка, война, дуэль, экзамен, встреча, конференция, заседание* и т.п. Ряд исследователей, среди которых Н.Д. Арутюнова, С.Д. Кацнельсон, Ю.С. Степанов, И.Б. Шатуновский и др., называют такие слова именами с событийной семантикой. Событийная лексика, представленная именами существительными, обладает таким свойством как способность называть

(не описывать, как это происходит в случае с предложениями!) происходящее целиком. Так, И.Б. Шатуновский отмечает: «Слова эти отражают действительность, не расчленяя ее на "предметы" и "признаки", и поэтому наиболее близки к ней» [Шатуновский 1996: 38]. Это свойство отображать цельную ситуацию обеспечивает возможность употребления таких слов в речи в качестве минимальных высказываний. Здесь имя события «ведет себя» так же, как предложение, которое традиционно считается основным выразителем событийности. Эта особенность событийных имен отмечается, например, в [Кацнельсон 1972, Арутюнова 1976 и др.].

Вместе с тем, подобные случаи сжатой номинации происходящего с помощью имен событий (или акциональных имен) считаются рядом ученых непрямыми, нестандартными: ср. термины В.Г. Гака относительно такого рода наименований – *косвенная номинация, транспозиция*. В качестве отличительной особенности таких наименований указываются более предметное восприятие таких имен и их способность выступать в качестве средства идентификации событий.

3. Речевые особенности выражения событийных смыслов. Рассмотренные выше языковые единицы, разумеется, получают речевую реализацию. Однако, особый интерес представляют такие случаи, когда событийный смысл выражается нетривиальным способом.

Один из таких случаев рассматривается в рамках грамматических (в т.ч. и когнитивно-грамматических) исследований. Так, многими учеными отмечается, что на значение глагола, ядерного компонента высказывания, часто влияет контекст, включающий в себя отдельные граммы, выражаемые с помощью служебных слов или морфологических показателей. Иными словами, выразить или не выразить событийные значения глаголы могут лишь в речи, т.е. в конкретном лексико-грамматическом окружении (А. Goldberg, J. Pustejovsky, Е.В. Падучева, С.Г. Татевосов и др.). Примечательно, что семантика событийности или, напротив, процессуальности может вноситься в высказывание лишь одной грамматической характеристикой, принадлежащей члену глагольной актантной структуры.

Еще одним случаем выражения событийного смысла нетипичным способом является употребление слов с несобытийной семантикой в событийном смысле, что отмечается в работах Н.Д. Арутюновой, Е.В.

Падучевой, Ю.С. Степанова. Так, в ряде случаев событийный смысл в речи могут приобретать слова с предметным значением: в этой связи показательны примеры, приведенные в [Арутюнова 1976]: *Я пропустил лекцию из-за поезда*, *Он пришел несмотря на ногу* [Указ. соч., с. 122], *Я задержался из-за книг* [Там же, с. 123]. В данных примерах слова *поезд*, *нога*, *книги* употребляются в несколько несвойственном для них как для предметных имен контексте – за номинациями предметов здесь стоят представления о целой ситуации, в которую включены соответствующие предметы. По Н.Д. Арутюновой, такое употребление ««проявляет» в имени событийный аспект» [Арутюнова 1976: 77], поскольку за предметными именами скрываются свернутые пропозиции: приведенные высказывания можно перефразировать таким образом: *он пришел несмотря на то, что повредил / сломал / вывихнул ногу; я задержался из-за того, что не мог найти книги / должен был отнести книги*.

Эти примеры ощущаются как вполне естественные, приемлемые для носителя русского языка, разве что с той оговоркой, что естественны такие конструкции в устной разговорной речи. По-видимому, важным условием такого рода употреблений в речи является наличие некоторой пресуппозиции: она либо такова, что говорящий намеренно не хочет раскрывать подробностей произошедшего, и потому вместо описания ситуации лишь дает указание на один из ее компонентов (*нога*, *книга*), либо говорящий уверен в том, что слушающему уже известна ситуация, стоящая за данным словом, и попросту нет нужды описывать ее целиком – принцип экономии речевых усилий позволяет обойтись в таком случае лишь одним элементом. Кроме того, автору такой конструкции всегда известно, какая конкретно ситуация стоит за словом, т.е. необходимое условие такого употребления в речи – знание говорящим ситуации.

Таким образом, для обоих случаев нестандартного обозначения событийности в речи характерно наличие особого контекста – лексико-грамматического в первом случае и внеязыкового во втором.

4. Отражение категории события в ассоциативно-вербальной сети. Вербальные ассоциации представляют собой некоторое промежуточное между языком и речью образование, и одной из особенностей ассоциативного материала является то, что смыслы выражаются в нем не с помощью предложений или текстов, а реализуются в ассоциативных парах, парах «стимул-реакция», поэтому в качестве

типичного способа обозначения событий в ассоциативно-вербальной сети рассмотрим имена с событийной семантикой.

Набор ассоциатов имен, называющих события (*война, охота, драка, митинг, свадьба, праздник* и др.), как показывает анализ, отличается от совокупностей реакций, полученных на стимулы других типов. Так, для ассоциативных полей имен событий характерно большое число тематических реакций (реакций, имеющих смысловую связь со стимулом и не носящих парадигматического или синтагматического характера), особенно в числе тех, которые называют компоненты событийной структуры. Более подробно, чем у стимулов других типов, ассоциативным полем событийного имени описываются такие компоненты происходящего, как участники, атрибуты, обстоятельства, пространственная и временная локализация.

Что касается нетривиального выражения событийности, но уже не в речи, а в таком ограниченном контексте как пара «стимул-реакция», то интерес представляют такие ассоциаты, которые выражают событийные смыслы, однако в класс имен событий не входят: это слова разного типа (имена предметов и субстанций, имена лиц и других живых существ, названия мест, учреждений и др.), объединяет же их способность в контексте стимула приобретать семантику событийности, ситуативности.

Рассмотрим примеры такого рода ассоциативных пар, которые встретились в Русском ассоциативном словаре [Караулов и др. 2002] и Ассоциативном словаре школьников Саратова и Саратовской области [Гольдин и др. 2011].

Во-первых, замечено, что в нетривиальной роли (в роли целостной номинации фрагмента мира) могут выступать наименования мест. Однако это справедливо не для любых названий мест: важным условием является наличие в сознании говорящих тесной связи данного места и какой-то деятельности, типично в нем происходящей, поэтому часто событийный смысл приобретают наименования учреждений: например, реакции типа *школа, институт, работа* могут пониматься и как обозначения мест, и как этапы, макрособытия в жизни и судьбе личности.

Еще одним примером событийного прочтения несобытийных слов могут служить реакции *школа, ванна*, полученные на стимул завтрак от испытуемых-школьников. Как представляется, они отражают не столько отношения между событием (завтрак) и местом, характерным для него,

сколько отношения между сменяющимися друг друга во времени событиями, которые выступают как элементы распорядка дня: сначала *ванна* (т.е. событие, состоящее в том, что испытуемый *принимает ванну*); затем завтрак, а после – *школа* (*поход в школу, посещение школы*). Ассоциативная пара каникулы → *лагерь* может пониматься двояко: *лагерь* – это, конечно, одно из типичных для школьника мест, в котором проходят каникулы, но также реакция может толковаться и как ситуация-событие *пребывание в лагере*, имеющее место во время каникул. Например, на вопрос о том, чем запомнились каникулы, можно ответить, что сначала был *лагерь*, потом *море и санаторий*, имея в виду разные события.

Ассоциативная связь между стимулами битва, драка и реакцией *больница* (в отличие, скажем, от реакций типа *улица, школа, театр*) имеет иной характер: ситуация, актуализируемая словом *больница* находится с явлениями, обозначаемыми стимулами, в причинно-следственных отношениях. Развернутые элементы высказывания могли бы иметь такой вид: «результатом битвы / драки оказалось то, что некто *попал в больницу, оказался в больнице*»; или: «причиной *того, что он попал в больницу* послужила драка / битва, произошедшая накануне». Само же слово *больница* ассоциируется не столько с местом, сколько со всей ситуацией, характерной для этого места: в больнице есть врачи, медсестры, санитары; больные лежат в палатах, проходят процедуры, принимают лекарства, переносят хирургические вмешательства. Сходный характер ассоциативной связи наблюдается в парах воровать → *тюрьма*, воровать, убийство, украсть → *тюрьма*.

В роли нетривиальных номинаций ситуаций-событий могут выступать и предметные имена, и прежде всего это справедливо для имен артефактов, поскольку они всегда функционально связаны с некоторой деятельностью. Например, реакции *компьютер, телефон, телевизор, велосипед*, данные на стимул каникулы, с одной стороны, называют конкретные предметы, а с другой, в контексте стимула приобретают также и событийный смысл «занятие, связанное с использованием этих предметов»: *игра на компьютере, разговоры по телефону, просмотр телевизора, катание на велосипеде*.

Возможны и пограничные случаи, когда событийное прочтение реакций не является бесспорным: весна → *почки, ручей, капель, подснежники*, – эти реакции можно истолковать и как имена объектов,

тесно связанных в сознании с образом весны, ее атрибутов, но в то же время они воспринимаются вполне событийно, и пару «стимул-реакция» можно с минимальными усилиями превратить в пропозицию: весна – это время, когда *набухают и распускаются почки, текут ручьи, звенит капель, распускаются подснежники*.

Несколько реже в контексте ассоциативной пары событийный оттенок приобретают имена лиц и других живых существ. Ср., к примеру, реакции на стимул весна: *птицы, птички, кошки*. Птицы и кошки могут наблюдаться в любое время года, но именно весной они ведут себя по-особенному: птицы поют, выют гнезда, прилетают из теплых краев, кошки тоже меняют свое поведение в весенние месяцы. Поэтому в контексте стимула весна такие реакции как *птицы, птички, кошки* получают событийное прочтение: *весна примечательна пением птиц, их подготовкой к появлению птенцов; кошачьими «концертами»*.

Подобным образом можно истолковать и смысл контекстов, образованных следующими парами «стимул-реакция»: каникулы → *бабушка, друзья*. Так, *бабушка* во время каникул – это скорее *поездка и пребывание в гостях у бабушки*; *друзья* в контексте стимула каникулы – это скорее *встречи с друзьями*.

Приведенные примеры, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что наряду с прототипическим выражением событийного смысла с помощью единиц особого класса – имен событий, в контексте пары «стимул-реакция» событийные смыслы могут находить и другие пути для своего выражения, хотя, для этого должны существовать особые условия (стимул с событийной или темпоральной семантикой, причинно-следственное отношение в ассоциативной паре и, возможно, другие).

5. Заключение. Таким образом, категория событийности выражается разными языковыми средствами, а в речи находит и дополнительные пути для своей объективации. Кроме того, случаи целостной репрезентации ситуации с помощью одного слова характерны не только для речевых произведений, как это было убедительно показано Н.Д. Арутюновой и др. исследователями, но они могут быть зафиксированы и в ассоциативно-вербальной сети, которая представляет собой промежуточное между языком и речью явление, «язык в его предречевой готовности» [Караулов 1994: 192]. По-видимому, способность одного слова актуализировать целую ситуацию, стоящую за ним, – это особенность нашего мышления

(ср. мнение А.А. Залевской о слове как единице ментального лексикона, о слове, понимаемом как средство доступа к информационной базе говорящего). Обозначение событий с помощью самых разных языковых единиц и речевых конструкций, а также случаи употребления несобытийной лексики в роли цельных событийных номинаций говорят о важности категории событийности, об именно категориальном статусе этого понятия: ведь если этот смысл выражается разными способами, значит, он действительно важен для сознания говорящих. Иными словами, в сознании носителей языка есть устоявшееся представление о событиях, и на материале вербальных ассоциаций можно проследить разные способы его объективации.

ЛИТЕРАТУРА

Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области – Гольдин В.Е., Мартьянов А.О., Сдобнова А.П. Русский ассоциативный словарь: Ассоциативные реакции школьников I-XI кл. В 2 т. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: АСТ-Астрель, 2002. Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976. 384 с.

Гак В.Г. К типологии лексических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 230-293.

Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 23-34.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. М., 1994. Ч. I. С.191-218.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 213 с.

Шабес В. Я. Событие и текст. М., 1989. 176 с.

Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереперентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М., 1996. 400 с.